

УДК 81'22

ПРАГМАТИКА СЕМИОТИЧЕСКОЙ МИМИКРИИ В ДИСКУРСАХ МАРГИНАЛЬНОЙ РИТУАЛОСФЕРЫ

А.М.Прилуцкий

РГПУ им. А.И.Герцена, г. Санкт-Петербург

В статье рассматривается прагматическая специфика использования приёма семиотической мимикрии в современных текстах неканонических акафистов и молитв православной ритуалосферы. Автор доказывает, что благодаря семиотической мимикрии эти тексты приобретают способность функционировать за пределами субкультурных сообществ, в которых они создаются, и начинают активно воспроизводиться в семиосфере канонического православия.

Ключевые слова: *семиотика, религиозный дискурс, ритуалосфера, герменевтика, прагматика дискурса.*

Под «семиотической мимикрией» мы будем понимать целенаправленное формирование у семиотической системы категориальных признаков, свойственных семиотическим системам иного типа и генезиса, в результате чего при восприятии в рамках спонтанной коммуникации дискурсивная среда мимикрирующей семиотической системы должна прочно ассоциироваться с предметом подражания, восприниматься в качестве её органической части [8: 141]. Семиотическая мимикрия обеспечивает выработку устойчивого ощущения традиционности модернистских топосов, которые не только не относятся к традиции, выбранной в качестве объекта подражания, но и являются не совместимыми с ними на концептуально-категориальном уровне – фактически при этом происходит псевдоотождествление мимикрирующего объекта при помощи создания фиктивной категоризации – одни свойства высвечиваются, гиперболизируются, что необходимо для того, чтобы приуменьшить и сокрыть другие.

В отличие от стилизации, которую можно определить «как “подделку” под оригинал, но подделку обнаженную, подчеркнутую», которая собственно и не скрывает своего вторичного, подражательного характера, семиотическая мимикрия стремится избегать заведомо гипертрофированного подражательства, поскольку её целью является создание дискурсов не просто похожих, но похожих до степени смешения. Поэтому семиотическая мимикрия позволяет – при недостаточно внимательном и критичном восприятии – сформировать устойчивое ощущение принадлежности псевдотрадиционного текста к социокультурной традиции, включить его в герменевтическое пространство традиции. Можно согласиться с тем, что «мимикрированная языковая картина мира свидетельствует о проявлении универсализма – выравнивания, стереотипизации методов и форм языкового отражения фрагментов действительности» [2: 152] в соответствии с тем, что в условиях данной коммуникационной ситуацией принято считать канон нормативности.

Семиотическая мимикрия является процессом, во многом обусловленным наличием семиотического дрейфа. Под последним в современной семиотике принято понимать свойство элементов семиозиса в зависимости от условий функционирования изменять свои семиотические характеристики. Наиболее распространенной формой семиотического дрейфа является варьирование элементами семиозиса качеств знака и символа. Эта форма семиотического дрейфа подробно проанализирована проф. В.Ю. Лебедевым на примере элементов ритуалосферы [7], наиболее подверженных семиотической вариативности и мобильности. Однако семиотический дрейф не ограничен данным аспектом – не менее частотным является семиотический дрейф, полюсами которого являются семиотические свойства символа и метафоры (аллегории). Именно наличие семиотического дрейфа создает герменевтические условия, позволяющие использовать семиотическую мимикрию для решения задач идеологического характера. В данной статье рассматриваются семиотические аспекты апологетической стратегии, при помощи которой адепты радикально-маргинального православия (субкультуры царебожнического паттерна) обеспечивают придание составленным ими модернистским текстам ритуалосферы видимости традиционности, а, соответственно, и приемлемости для носителей установок православной традиционалистской культуры, с которыми они соотносят себя.

Термином «царебожничество» принято обозначать совокупность близкородственных православных субкультур, зачастую – фундаменталистского характера [3], которым в той или иной степени свойственны представления об особой сакральности монархической власти, причем вопросам государственного устройства придается догматическое значение. Есть все основания полагать, что царебожнические мифотеологемы восходят к фундаментальным положениям византийской политической идеологии о божественном характере императорской власти, которые были усвоены древнерусской культурой [5: 17] и стали основанием идеологии императорской России. Большинство царебожников верят в то, что смерть последнего русского императора имеет особое сотериологическое значение для русского народа (и государства), поэтому Николаю Второму ими присваивается исключительный агиологический статус «Царь-Искупитель» (это прослеживается, в том числе и на уровне используемых агионимов), среди адептов популярны такие концепты, как «соборная измена», «русская Голгофа», «соборный грех», «соборное покаяние», «соборный муж», «соборная смерть» народа, различные конспирологические и эсхатологические мифологемы. Расстрел Николая Второго семиотизируется в качестве символического указания на распятие Спасителя «подвиг же, Государев искупительный, видети должно, не яко в самодеянном и не в простом Христу подражании, а токмо в Искупительном Христа подвизе соучастие» [1], таким образом обстоятельства смерти Николая Второго интерпретируются в квази-новозаветном сотериологическом контексте.

Неортодоксальность с точки зрения традиционного православного вероучения характера царебожничества вызывала неоднократную критику со стороны православных иерархов. При этом основная критика бывает направлена на царебожническую сотериологию, в основе которой находится представление об искупительном характере расстрела Николая Второго и членов его семьи. Представление о Царе-Искупителе, с точки зрения традиционного

православного вероучения, находится в явном противоречии с базовыми христианскими христологическими догматами, согласно которым искупительным значением для всех времен и народов обладает исключительно голгофская смерть Спасителя Иисуса Христа, Который является единственным Искупителем и Спасителем, своими крестными страданиями и самой смертью искупившего грехи всего мира. С этой точки зрения, представления об особом Царе-Искупителе, искупившем политические грехи русского народа, нарушившего во время революции 1917 года присягу на верность дому Романовым, принесенную Земским Собором (соборная клятва 1613 года), умаляет значение голгофской смерти Спасителя и фактически обожествляет Николая Второго.

Кроме претензий теологического характера, существует и целый ряд замечаний, находящихся в области каноники. Наиболее существенные из них связаны с популярным среди царедворников т.н. чином всенародного покаяния, не предусмотренным православным литургическим обиходом, почитанием неканонических святых (не канонизированных Русской Православной Церковью Московского Патриархата или другими Православными Церквями, входящими в официальный диптих, – государственных и политических деятелей – Ивана Грозного, Павла Первого, И.В.Сталина, Г.Е.Распутина и др., их состав может варьировать в различных царедворнических группах), неканонических икон, использованием неканонических текстов ритуалосферы – прежде всего молитв и акафистов.

Наличие перечисленных претензий, как догматического, так и канонического характера, обретает особую остроту в связи с тем, что царедворнические субкультуры позиционируют себя как церковные сообщества, строго соблюдающие каноны и догматы православной церкви, при этом они обличают своих оппонентов во всевозможных «грехах»: канонических нарушениях и ересьях. Естественно, что быть самым обвиненными в неортодоксальности и модернизме для них чревато не только серьезными имиджевыми потерями, но и может привести к значительному оттоку адептов в различные конкурентные юрисдикции (от церквей «Мирового Православия» до старообрядческих и катокомбных юрисдикций включительно). В связи с этим вопросы, связанные с апологетикой специфических компонентов царедворнической субкультуры, уязвимых для догматической и канонической критики, для адептов царедворничества обретают особую остроту, причем основными направлениями апологетики является: а) догматическое обоснование царедворнических концептов и б) придание текстам царедворнической ритуалосферы видимости традиционных православных текстов – обвинения в «модернизме» для царедворников не менее болезненно, чем в «ереси».

Контент-анализ современных текстов царедворнической ритуалосферы, прежде всего неканонических акафистов Ивану Грозному, Николаю Второму, Г.Е.Распутину и текстов молитв «железному императору Иосифу» (т.е. И.В. Сталину) позволяет сделать вывод о том, что авторы этих текстов используют семиотическую мимикрию для того, чтобы при спонтанном восприятии православными верующими данные неканонические тексты воспринимались как вполне традиционные. Для этого из канонически безупречных и хорошо известных воцерковленным верующим литургических текстов заимствуются легко узнаваемые семиотически значимые элементы – преимущественно мета-

форы и сравнения, реже – символы. Все они используются в качестве маркеров традиции: заимствованные из хорошо известных текстов, они используются для соотнесения новых, неканоничных молитв и акафистов с концептосферой традиционного и канонически безупречного православия: уже сам факт наличия их в новосоставленных неканонических текстах должно «успокоить» традиционалистов, сформировав у них ощущение каноничности.

В таковом качестве используются, например, метафоры субстанции, они являются достаточно традиционными и устойчивыми, быстро запоминаются и узнаются при устном восприятии, что позволяет их применять для достижения прагматического эффекта семиотической мимикрии, так, например, они часто употребляются в целях апологетики сомнительного с точки зрения традиционной православной агиологии культа Г.Е. Распутина. Мимикрия обеспечивает семиотическое соотнесение агиологического образа Распутина с безупречными образцами православной святости, поскольку используемые метафоры явно вторичны по отношению к метафорике эталонных текстов. Для этого используются такие метафоры, как «венец нетленный», «огненный ревнитель» (и «возгорешася духом»), «скрижаль плотная² сердца», «путы греха»; представленные в текстах неканонической ритуалосферы повсеместно, не будучи непосредственно заимствованием, подобные метафоры по своей семиотической структуре вполне традиционны, они соответствуют канонам агиологии и агиографии и поэтому приемлемы для ортодоксальных верующих.

В свете сказанного представляет интерес и наиболее популярная в царькобожнических сообществах форма агионима «Григорий Новый Чудотворец», которая является результатом целенаправленного придания почитанию Г.Е. Распутина «традиционности» и «каноничности»: для этого задействуются процессы стилистической и семиотической мимикрии структуры и компонентов агионима под православную традицию, в качестве оправдания подобного имятворчества обычно используется отсылка к историческому факту – изменению Г.Е. Распутиным своей фамилии. Сформированный таким образом агионим «Григорий Новый Чудотворец» в условиях спонтанной коммуникации должен произвести на верующего впечатление традиционного агионима, а значит и вполне каноничного – он хорошо соотносится с привычными именованиями чтимых святых – Григорием Чудотворцем, Григорием Великим, Симеоном Новым Богословом, Стефаном Новым, Николаем Новым, Василием Новым и др. Естественно, что агионим «святой Григорий Распутин» в прагматическом отношении является более уязвимым, поскольку порождает целый ряд вопросов о святости этого деятеля и каноничности соответствующего культа. В то время как мимикрирующий агионим не только позволяет эти вопросы минимизировать, но и превращается в механизм распространения культа за пределами царькобожнических общин, поскольку молиться Григорию Новому Чудотворцу по «неканоническому» молитвослову может и верующий, не считающий Распутина святым, но просто не соотносящий агионим с его историческим прототипом. То, что звучит традиционно, привычно, часто не привлекает внимания верующего, в то время как осязаемое нарушение привычного семиотического кода вызывает настороженность и потенциальное неприя-

² Так в оригинале. Это явно ошибка – должно быть «плотная», от «плоть»

тие, подозрение в «модернизме» и «ереси»: «как только увидите, что ... вводится какое-то новшество или что-то происходит впервые, будьте настороже. Скорее всего, это будут недобрые перемены. А вы стойте на том, чему научены, того и держитесь, от всего нового уклоняйтесь» [6]. На этой особенности восприятия основывается семиотическая легитимация – элементы ритуалосферы, которые независимо от их генезиса и семантики при спонтанном восприятии не воспринимающиеся как перверсивные, со временем сами превращаются в маркеры традиционности и развивают собственный потенциал легитимации модернистских дискурсов.

Более сложной оказывается апологетика таких инклюзивных царебожнических концептов как «царь-искупитель», «соборный грех», «иконический подвиг», «русская Голгофа». Будучи модернистскими и еретическими по сути, они делают соответствующие тексты особенно уязвимыми для критики, поскольку предполагают крайне неортодоксальную трактовку базовых христианских сотериологических положений, носящих характер догматов веры.

Одним из наиболее интересных и сложных с точки зрения семиогерменевтики является целенаправленное создание герменевтической амбивалентности концептов-символов при помощи активации процессов семиотического дрейфа. В результате возникает возможность в зависимости от контекста коммуникации интерпретировать семиотически значимые элементы семиосферы как поэтические метафоры/аллегории или как теологические символы. В этом случае семиотическая мимикрия в качестве образцов для подражания использует поэтические тексты, в том числе поэзию фольклора, и шире – поэтический стиль, применительно к текстам ритуалосферы, прежде всего – молитвам и акафистам [4: 95–110], её маркеры могут создавать ощущение традиционности сомнительных литургических текстов (ещё один пример семиотической легитимации):

«О Святой Праведный Великий Иосифе,
Богоданный Вождю Богоизбраннаго Народа Русскаго,
Державу нашу из пепла возсоздавый
и Русский Род всемирной славою венчавый;
врази Руси мечем сокрушивый и победивый
жидов многих в Отчизне нашей истребивый,
предателей Бога, Царя и России праведной казни предавый
народы Российския жезлом железным упасший» [10].

Кроме того, в условиях критичного восприятия всегда можно сомнительные с теологической точки зрения тезисы интерпретировать как поэтические метафоры, метонимии, гиперболы, не претендующие на выражение теологических понятий и таким образом избежать обвинений в неортодоксальности. В других условиях коммуникации (эзотерическая коммуникация единоверцев-посвященных) в задействовании механизмов семиотической мимикрии нет необходимости, и неортодоксальные концепты типа «царь-искупитель» или «соборный грех» реализуют всю полноту значений теологического символа [9].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что семиотическая мимикрия активно используется в дискурсах неканонической ритуалосферы для завышения валидности соответствующих текстов и, одновременно для снятия возможных герменевтических конфликтов. Широкое распро-

странение текстов неканонической ритуалосферы среди верующих канонических юрисдикций свидетельствует о том, что семиотическая мимикрия является результативным герменевтическим инструментом обеспечивающим устойчивость и продуктивность соответствующих дискурсов.

Список литературы

1. Акафист святому царю-искупителю Николаю II (покаянный). [Электронный ресурс]. URL: http://akafist.narod.ru/N/NikolayII_iskupitel.htm (дата обращения 09.02.2020).
2. Буров А.А. Личностно-энергетический феномен языковой картины мира//Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2007. № 3–4. С. 145–154.
3. Головушкин Д. А. Православный фундаментализм: возвращение к осмыслению // Философская мысль. 2016. № 1. С. 111–155.
4. Давыдов И.П. Православный акафист русским святым (религиоведческий анализ). Благовещенск: библиотека журнала «Религиоведение», 2004. 216 с. С.95–110.
5. Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси. Миры повседневности XI–XIII вв. СПб: Изд-во Олега Абышко, 2017 с.592. С.17.
6. Еще один мощнейший удар экуменистов по русской церкви... Синод РПЦ изменил правила крещения и поминовения. [Электронный ресурс]. URL: <https://3rm.info/main/78386-esche-odin-udar-jekumenistov-po-russkoj-cerkvi-sinod-rpc-izmenil-pravila-kreschenija-i-pominoventija.html#sel=7:1,8:7>(дата обращения 09.02.2020).
7. Лебедев В.Ю. Религиозный ритуал западного христианства: культура, традиция, семиотика (XVI–XX вв.). Тверь: ГЕРС, 2008. 328 с.
8. Лебедев В.Ю., Прилуцкий А.М. Семиотическая мимикрия и функционирование религиозных знаковых систем: постановка проблемы//Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2018. № 1. С. 139–147.
9. Прилуцкий А.М. Семиотика новейшего агиологического мифа и формирование неканонических культов//Известия Иркутского государственного университета. Серия: политология, религиоведение. 2018. Т. 23. С. 102–109.
10. Тропарь и кондак Святому Богоданному Вождю Русского Народа, «стальному императору» Иосифу Великому (Сталину) [Электронный ресурс]. / Покаяние URL: <http://www.pokaianie.ru/article/stalin/read/10566> (дата обращения 09.02.2020)

THE PRAGMATICS OF SEMIOTIC MIMICRY IN THE DISCOURSES OF THE MARGINAL RITUALOSPHERE

Alex. M. Prilutskii

Herzen University, St. Petersburg

The article discusses the pragmatic specifics of using the technique of semiotic mimicry in modern texts of non-canonical akathists and prayers of the Orthodox ritualosphere. The author proves that thanks to semiotic mimicry, these texts acquire the ability to function outside the subcultural communities in which they are created and begin to be actively reproduced in the semiosphere of canonical Orthodoxy.

Keywords: *semiotics, religious discourse, ritualosphere, hermeneutics, pragmatics of discourse*

Об авторе:

ПРИЛУЦКИЙ Александр Михайлович – доктор философских наук, зав. кафедрой истории религии и теологии РГПУ им. А.И.Герцена, alpril@mail.ru